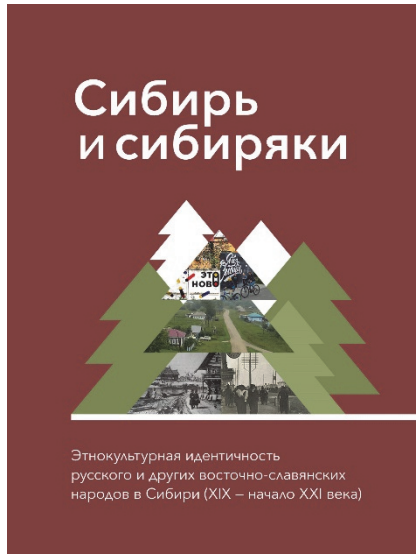
Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 218–223
Siberian Historical Research. 2024. 2. pp. 218–223

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 391
doi: 10.17223/2312461X/44/10

От чалдонов к интернет-мемам о Сибири

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2022. 284 с.



Для цитирования: Громов Д.В. От чалдонов до интернет-мемов о Сибири (рец. на Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2022. 284 с.) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 218–223. doi: 10.17223/2312461X/44/10

For citation: Gromov, D.V. (2024) From Chaldons to Internet Memes about Siberia (Review of Fursova E.F. (ed.) (2022) Siberia and Siberians: ethno-cultural identity of Russian and other East Slavic peoples in Siberia (XIX - early XXI century). Novosibirsk: IAET RAS, 2022. 284 p.). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research.* 2. pp. 218–223 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/10

Под грифами Института этнологии и антропологии РАН и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН вышло новое сибиреведческое издание под названием «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века)», ответственный редактор Елена Фёдоровна Фурсова. Как следует из названия, книга посвящена истории и

© Громов Д.В., 2024

культуре русских, украинцев и белорусов в многообразной этнической картине, складывавшейся в Сибири в последние века. Исторически будучи пришлыми, представители славянских народов, расселившись от Уральских гор до Тихого океана, составили 90% проживающего здесь населения.

Первая глава книги посвящена рассмотрению одной из самых известных сибирских идентичностей – чалдонам, старожильческому русскому населению региона. В основу главы легли многолетние исследования Е.Ф. Фурсовой, проводившиеся с 1978 г. не только в Сибири, но и на Дону. Эти исследования имели целью выявить историческую память «коренных» славянских поселенцев региона. В главе рассмотрены версии происхождения чалдонов как этнокультурного образования, дано их этнографическое описание. Сделан упор на описаниях чалдонов на исследованных автором территориях Западной Сибири.

Вторая и третья главы написаны Р.Ю. Федоровым, они посвящены, соответственно, этнокультурной идентичности и особенностям расселения белорусских и украинских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. Они написаны с привлечением большого объема эмпирического материала, многообразных исторических источников. При анализе миграционных процессов, в частности, отмечалось, что выходцы из различных регионов европейской части России выбирали для расселения природно-климатические зоны, напоминавшие их родину: так, украинцы селились в степной и лесостепной местности, близкой по условиям жизни к местам их выхода. Белорусы, напротив, предпочитали зоны смешанных лесов и тайгу.

В книге отмечается, что анализ идентичности восточнославянских народов в Сибири усложнен тем, что на местах выбытия некоторые мигранты не имели привычной нам этнической самоидентификации. Например, до начала XX в. самоидентификация «белорус» у выходцев с территории нынешней Белоруссии была очень редкой; в меньшей степени, но такое было свойственно и украинцам. Поэтому многие сибирские новоселы называли себя по месту прежнего жительства (например, гомельцами). Всплеск этнического самосознания произошел для украинцев с 1905 г. до Первой мировой войны, для белорусов – в 1920-е гг. (в процессе советской белорусизации). В начале 1930-х политика этнизации была свернута, белорусы и украинцы в ходе переписей все больше стали называть себя русскими. Сложные исторические процессы формирования идентичности привели к тому, что возникли новые самоидентификационные категории. В частности, достаточно рано наряду с «чалдонами» появилась категория «самоходы», обозначающая переселенцев (большей частью с территории Белоруссии), прибывших в Сибирь самостоятельно, без принуждения со стороны государства. Для украинцев, живущих в Сибири, сформировалось самоназвание «хохлы». Если на Украине

данное слово считалось оскорбительным, то здесь оно утратило свой пейоративный характер и стало просто самоидентифицирующим эндоэтнонимом, подчеркивающим оторванность от исторической родины.

Описание миграционных процессов и формирования этнокультурных идентичностей на территории Сибири дополняется четвертой главой, в которой Н.И. Шитова рассматривает этнокультурное разнообразие и этнокультурную идентичность русских Горного Алтая.

Во всех четырех главах как отдельная идентичность прослеживается старообрядчество. Вернее, это группа идентичностей (кержаки, «поляки», двоедане и проч.), которые отражают принадлежность к различным старообрядческим согласиям или территориальные особенности наименования староверческих групп, принявших активное участие в освоении Сибири. Иногда названия староверческих групп становятся нарицательными обозначениями старожильческого населения. Разнообразие староверческих идентичностей, связанных с расселением в Сибири, указывает на важность этой конфессиональной группы (вернее, групп, отражающих разные течения старообрядчества) для освоения региона Россией.

Пятая глава, написанная О.В. Голубковой, отражает результаты десятилетнего исследования низшей демонологии на юге Западной Сибири. Ввиду того, что территория заселялась выходцами из разных регионов европейской части страны, переселенцы несли с собой и мифологические представления, «заселяя» домовыми и лешими вновь освоенные территории. Это ставит перед фольклористом интересные задачи. Рассказы о встречах с мифологическими персонажами в разных местах расселения значительно различаются; например, северорусская русалка значительно отличается от южнорусской и украинской. Соответственно, в местах позднего расселения эти рассказы оказываются маркерами, показывающими, откуда приехали их носители.

Здесь возникает желание вступить в полемику с автором: представляется спорным соотнесение низшей демонологии и понятия идентичности. Если идентификация – это эмоционально-когнитивный процесс отождествления субъектом себя с другими людьми, группами или социокультурными образцами, то может ли знание субъектом былички способствовать такому отождествлению? Да, произведения фольклора (народные песни, календарная и окказиональная обрядность, исторические предания, паремии и проч.) способствуют формированию этнокультурной идентичности. Например, если жители сибирской деревни поют передающуюся из поколения в поколение украинскую песню, это действительно говорит об украинских корнях и так или иначе осмысливается местными жителями как часть идентичности. А вот если рассказывают о встречах с русалкой? Фольклорист действительно может распознать в образе русалки ее происхождение и сделать на основании этого выводы

о происхождении информанта, но самому информанту такая рефлексия недоступна, для него русалка – это существо, которое, говорят, «появляется на мостках», но с идентичностью она никак не связана.

Если связь быличек с идентичностью вызывает сомнение, то следующая (и последняя) глава этого недостатка лишена – здесь речь точно идет об идентичности. Глава М.В. Васехи посвящена уже современным процессам, основанным на новых технологиях и захватывающим преимущественно городских жителей. Речь идет о брендировании территорий и выработке визуальной символики как для отдельных сибирских городов, так и для региона в целом. Как считается, выработка привлекательных брендов, с одной стороны, обеспечивает приток туристов и инвестиций в брендированные регионы, а с другой – улучшает отношение к регионам местных жителей, особенно молодых: вследствие повышения символической привлекательности места его жители будут лучше к нему относится, снизится отток населения, возникнет хорошая атмосфера для экономики. В главе рассматриваются, с одной стороны, опыт официального и «низового» брендирования некоторых сибирских городов, с другой – попытки конструирования через символику «сибирскости». При всем желании создать нечто новое и оригинальное продолжают сохранять актуальность образы, традиционно формирующие имидж региона: сибирские холода (снег, валенки), специфическая «таежная» брутальность (медведи, хаски), экологичность (кедры), территориальная удаленность, экзотичность коренного населения, исторические деятели (Ермак). Впрочем, есть случаи разработки и актуальных тем, например, лесных пожаров 2019 г. Продукция с сибирским имиджем предполагает потребление вовне региона: ее покупают туристы, уроженцы Сибири, живущие в разных городах и странах.

Высокое качество авторских текстов, входящих в книгу, обеспечивает ее несомненную ценность. Но есть у книги и минус: она недостаточно продумана концептуально. Книга представлена как коллективная монография; но монография – это цельное произведение, последовательно и комплексно раскрывающее тему (обычно сформулированную в названии), выполненное в единой стилистике. Несколько хороших статей, объединенных единой темой, – это все-таки сборник, а не монография.

Здесь мы выходим на проблему, которая типична для современной российской науки: переделывание сборников в коллективные монографии. Это происходит повсеместно, рецензируемая книга в данном случае не исключение. Коллективные монографии, действительно соответствующие требованиям, обычно пишутся постоянными коллективами, по жесткому заранее составленному плану, с серьезной стандартизирующей редакторской правкой составителя. Примером могут быть тома серии «Народы и культуры», выпускаемые Институтом этнологии и антропологии РАН, каждый из них структурирован для подробного описания

рассматриваемых этносов, например: этногенез, районирование, особенности традиционного хозяйствования и т.д. Сформулирую так: обычно коллективная монография удается, когда она описывает некое устоявшееся, хорошо изученное явление и пользуется устоявшейся структурой описания. За пределами этого правила количество удачных коллективных монографий исчезающе мало. Большинство опубликованных книг, заявленных как коллективные монографии, представляют собой тематические сборники статей, более или менее оформленные концептуально.

Сборник можно переформатировать в монографию, объединив разрозненные статьи солидным введением и заключением, «цементирующими» статьи в единое целое. Но в рассматриваемых нами «Сибири и сибиряках…» введение сводится к объемному теоретическому обзору подходов к теме идентификации, а что касается заключения, то оно состоит из резюме глав, склеенных в подбор.

Монографии не помешал бы хороший исторический очерк, показывающий (хотя бы в общих чертах), как, собственно, изменялась этнокультурная идентичность восточных славян в Сибири и как формировалась сибирская идентичность. То есть какие территории входят в регион, как он заселялся, как пришлое население выстраивало отношения с коренным, как различные волны миграции составляли сложный социальный рисунок на огромной территории Сибири, как формировались представления о единстве региона, какой вклад в это сделали писатели, поэты, художники, политики и публицисты; как Сибирь осмыслялась в Российской империи (особенно в последние годы ее существования), в Советской России, в Советском Союзе, в постперестроечной Российской Федерации, с чем она ассоциировалась. Это и составило бы общую картину развития сибирской идентичности, фон. На этом фоне уже можно было бы сосредоточиться на подробном вырисовывании частных сюжетов: чалдонов, украинской, белорусской миграции и прочем. Но фона нет, и от леших и русалок (глава 5) повествование сразу переходит к интернет-мемам (глава 6).

В результате читатель, который вознамерится разобраться с этнокультурной идентичностью восточнославянского населения Сибири, не сможет этого сделать, хотя и узнает много полезной этнографической информации.

Понятно, что замечания выше высказаны не столько к авторам рецензируемой книги, сколько к наукометрическому подходу, который сложился в настоящий момент. Коллективные монографии оказываются предпочтительнее и в институтской отчетности, и в отчетности по грантам. Статус «обычного» сборника и включенных в него статей снизился. Тем не менее сборник всегда был очень значимой единицей научного творчества; каждый специалист может вспомнить много солидных концептуально продуманных сборников, которые «делали» науку, освещая

общие и частные научные темы более полно, чем даже монографии. Хочется надеяться, что хороший сборник снова приобретет весомость. Книга «Сибирь и сибиряки…» именно вот такой хороший сборник, на страницах которого в нескольких крупных статьях рассмотрены важные аспекты исследования сибирского региона.

Громов Дмитрий Вячеславович

Информация об авторе:
ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: gromovdv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Dmitry V. Gromov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: gromovdv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2023 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.

The article was submitted 18.04.2023;
accepted for publication 17.06.2024.